

«...Я праздный»

отдал бы покой...»

Георгий БЛЮМИН

Восп. Москва. — 1996. —
9 авг. — с. 4

Наверное, вот в такой же летний день в кавказских предгорьях прогремел выстрел, оборвавший жизнь гениального русского поэта. Это случилось 155 лет назад. Михаилу Юрьевичу Лермонтову было всего 26.

Лермонтов полагал, что его дальний предок — испанский герцог Лерма, и даже нарисовал его портрет. Как выяснилось впоследствии, предком поэта оказался шотландский бард и воин, пришедший в Россию в XVII веке.

Международная ассоциация «Лермонтовское наследие» пригласила в Москву потомков шотландского барда из 15 стран мира. Вместе с российскими родственниками поэта они отслужили панихиду в церкви близ подмосковного Середникова, где Лермонтов, как известно, провел четыре года своей краткой жизни, посетили памятные места Москвы, связанные с его жизнью и творчеством, а затем отправились на костромскую землю, где близ старинно-

го Галича покоится прах прародителя поэта — Георга Лермонта. Храбр был шотландец, но самым храбрым в роду был, по общему признанию, русский юноша Михаил Лермонтов.

В московскую университетскую пору никого из друзей не любил Лермонтов так горячо, как своего сверстника и сокурсника Николая Ивановича Поливанова, будущего командира лейб-гвардии Уланского полка, — они вместе поступили в Петербурге в школу кавалерийских юнкеров и гвардейских подпрапорщиков. Будучи студентами, приятели жили в Москве, на Молчановке, по соседству. Оба великолепно рисовали, но Поливанов не писал стихов, признавая тут безусловный приоритет друга.

Бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева возила по весне юного внука-поэта из Москвы в подмосковную деревню Середниково, где хозяйкой была вдова ее родного брата Дмитрия Столыпина — Екатерина Аркадьевна. Никольку же Поливанова родные тоже увозили в Подмоскovie — в деревню Петрищи Богородского уезда. Конечно же, побывал Лермонтов и у своего приятеля: в его юнкерской тетради есть барский дом с мезонином, флигель с тремя окошками, парк, причудливой формы пруд. Было тогда в Петрищах 17 дворов и по переписи 163 души крестьянские да 400 десятин земли. В селе Душеново, что в двух верстах, поэт рассматривал купольные росписи деревянной и каменной церкви Тихвинской Божией Матери. Делался с приятелем ранними недугами любящего сердца:

...Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства или мучений.

Деревянная церковь в Душеново недавно сгорела, но колокольня каменного храма все так же стремится ввысь — на ней останавливал когда-то взор гениальный мальчик, приехавший сюда с приятелем. Так и не нашел бы никаких следов «от жизни той, что бушевала здесь», если б не вернулся вновь в Петрищи и не увидел дом, где прежде была начальная школа.

Дом казался брошенным, но повстречалась мне старая учительница Александра Михайловна Русакова. «Когда мы приехали сюда почти полвека назад с мужем, — рассказала Александра Михайловна, — жил в Петрищах один 103-летний старик, он мне и показал ключ...».

Мы снова в заброшенном поливановском парке: «Вот наш «ключ!». И я начинаю видеть громадный ключ, словно впечатанный в травяные одеяла: стержень, бородка, кольцо, в цент-

ре кольца — остров, а на острове три старых дерева — ель, береза, сосна. «Пруд-ключ» выкопан на глубину два метра, дно устлано кирпичом, питали его родники.

Когда-то добрые люди нашли тут ключи, настолько чистые, что пруд решили выкопать в форме ключа. Вставили этот пруд в оправу — липовую аллею. Михаил Лермонтов нарисовал его потом в Петербурге в своей «юнкерской тетради». Пил тут воду, плавал с другом в лодке. А сколько мыслей навевал этот ключ-символ! Это — и знак камергерского звания, и чистый родник, и символ открытий... Когда в 1972 году была засуха и горели торфяники, сколько ни черпали оттуда воды, пруд не мелел. В ясный день ключ был голубой, в пасмурный — серебристый. Сначала директор совхоза велел пруд спустить, но вода набралась снова. Потом соседний пионерлагерь-пансионат «Голубая волна» сбросил в него нечистоты. У них-то там свой крытый бассейн, деревья же остались без водоема. А бывало, здесь и купались, и питьевую воду брали...

В 25 километрах к югу от Петрищ находится село Никольское-Тимонино. Вспомним блистательный рассказ Ираклия Андроникова «Загадка Н.Ф.И.» о поисках адресата лирического цикла М.Ю. Лермонтова 1830—1832 годов. Шедевр мировой лирики создан юношей-поэтом словно на одном дыхании.

Я не могу ни произнести,
Ни написать твоё название:
Для сердца тайное страданье

В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжко это слово
Мне услышать в устах другого...

Адресат был найден: Наталья Федоровна Иванова, дочь московского драматурга Ф.Ф. Иванова. Его вдова Е.И. Иванова-Чарторижская владела в Подмоскovie половиной села Никольское-Тимонино. Лермонтов познакомился с семнадцатилетней дочерью драматурга, вероятно, в Москве, а о ее пребывании в деревне узнал от того же Поливанова.

Я видел юношу: он был верхом
На серой борзой лошади — и мчался
Вдоль берега круглого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной, жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то все
В туманном отдаленье...

Это рассказ Лермонтова о самом себе, о своей любви к Наталье Ивановой, воплощенной в «Ивановском цикле». Страстное и искреннее чувство поэта было обмануто: Иванова стала вскоре Обресковой и многие годы не разрешала издателям выставлять свое имя перед посвященными ей гениальными строками стихов. «Не зная коварную измену, тебе я душу отдавал; такой души ты знала ль цену? Ты знала — я тебя не знал!» — эти горькие строфы вырвались из души поэта в миг разлуки.

Я долго искал Никольское-Тимонино. Знал, что стояло оно в месте слияния рек Клязьмы и Звероножки, и нашел в черте нынешнего города Лосино-Петровского. В городском парке «культуры» осталось лишь несколько старых деревьев да заброшенное здание церкви, обращенное в склад для лодок. Помнят в Лосино-Петровском Якова Брюса и Михаилу Щепкина, живших тут в разное время, помнят даже служивших в Никольской церкви Монию и Тимоину, чьи имена дали названия Мониной и Тимоинину. А Лермонтова забыли.

